

Учредитель и издатель

Иркутский государственный
лингвистический университет

Главный редактор

Александр Михайлович Каплуненко,
доктор филологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Светлана Алексеевна Хахалова,
доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия

Григорий Дмитриевич Воскобойник,
доктор филологических наук, профессор

Виктор Алексеевич Виноградов,
доктор филологических наук, профессор, член
корр. РАН

Николай Петрович Антипов,
доктор филологических наук, профессор

Олег Маркович Готлиб,
кандидат филологических наук, доцент

Валерий Петрович Даниленко,
доктор филологических наук, профессор

Владимир Ильич Карасик,
доктор филологических наук, профессор

Лия Матвеевна Ковалева,
доктор филологических наук, профессор

Галина Максимовна Костюшкина,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Алексеевич Ладыгин,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Марцельевич Малинович,
доктор филологических наук, профессор

Вера Брониславовна Меркурьева,
доктор филологических наук, доцент

Светлана Николаевна Плотнова,
доктор филологических наук, профессор

Евгения Федоровна Серебренникова,
доктор филологических наук, профессор

Зав. РИО

Светлана Григорьевна Тарасова

Верстка и дизайн

Елена Васильевна Орлова

Адрес редакции

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 522
e-mail: rio@islu.irk.ru

© Вестник Иркутского государственного
лингвистического университета, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Балашова Л.В.

МЕТАФОРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
НОСИТЕЛЯ СЛЕНГА
(на материале прецедентного мира «детство») 4

Даниленко В.П.

ИНКОРПОРАЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
И ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 9

Яковлев Г.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ СТАТУСЕ ЯЗЫКА
И ЗНАНИЙ О НЕМ (на примере средневековой
западноевропейской философской и научной
традиции) 15

Гавриленко А.И.

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА –
ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СТАНОВЛЕНИЯ
ДЕТСКОЙ РЕЧИ (на материале
современного немецкого языка) 22

Гаврилина Л.Е.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКИХ
ПАРАМЕТРОВ И АНАЛОГИЯ
ПРОСОДЕМНОГО
И СВЕРХПРОСОДЕМНОГО
ПРОСТРАНСТВ 30

Демина Т.Е.

МЕХАНИЗМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВИСТИКИ 41

Дудина С.П.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКОЙ
ДЕТЕРМИНАНТЫ В ОДНОСЛОВНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С РАЗНОЙ АКЦЕНТНОЙ
СТРУКТУРОЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ 46

Николаева Н.Н.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНЕЙ
3-ГО ЛИЦА В МЕТАГЕНДЕРНОМ ЗНАЧЕНИИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА 53

Прохорова К.В.

ЛОКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПРОСОДЕМЫ
В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ 63

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Дементьев В.В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ
АКСИОЛОГИИ: КОММУНИКАТИВНАЯ
ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ 70

Малинович Ю.М.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: СЕМИОСФЕРА
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА
(введение в лингвокультурологию) 82

Афанасьева В.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ
НАСТОЯЩЕГО ПЕРФЕКТНОГО
НА ПРИМЕРЕ ЭМОТИВНОГО
ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 93

Глазунова Ю.В.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОММЕНТАРИЯ
КАК ТИПА ТЕКСТА 98

Желобцова А.Ф.

О ПРИРОДЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ
ОГРАНИЧЕНИЙ ФЕ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 103

Ким Мён Хи

СЕМАНТИКА ОСНОВНОГО ТОНА ЭТИКЕТНЫХ
ФРАЗ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА
РУССКИХ И КОРЕЙЦЕВ 107

Коршунова С.О.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «SYNTAX» С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ ТЕЗАУРУСНОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ 112

Москаленко Н.В.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ
И МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ ...119

Провоторова М.А.

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ
ОЦЕНОЧНОГО СМЫСЛА 123

Смирнова У.В.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ 131

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА

Плотникова С.Н.

«ДИСКУРСИВНОЕ ОРУЖИЕ»: РОЛЬ
ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ 138

Белоусова И.М.

РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ
И ОПЕРАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ
ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ 144

Биякова С.В., Смирнова А.А.

СТРАТЕГИИ ВЕДЕНИЯ НАУЧНОГО СПОРА:
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, ЗАПРЕТ,
РАЗОБЛАЧЕНИЕ 147

Иванова Н.С.

МЕРФИЗМЫ КАК ЗНАКИ
ДИСКУРСИВНОГО СООБЩЕСТВА 152

Калинина В.В.

ЧЕЛОВЕК СТЫДЯЩИЙСЯ
В КОГНИТИВНОЙ СИТУАЦИИ СТЫДА 158

Королева Т.А.

ДИАЛЕКТИКА КОНТАКТНОЙ
И ДИСТАНТНОЙ ФОРМ ОБЩЕНИЯ
В ЧАТЕ 164

Петрухина О.П.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ VS.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКОГО ПОЛИТИКА
ТОНИ БЛЭРА 169

Шацких Н.Н.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ
В СИТУАЦИИ НЕДОСКАЗАННОСТИ
КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ
ИМПЛИКАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ 174

Ю Елена Д.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА) 177
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 183
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 188
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 190

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Л.В. Балашова

МЕТАФОРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НОСИТЕЛЯ СЛЕНГА (на материале прецедентного мира «детство»)

The metaphor – one of basic means of forming of the vocabulary of contemporary Russian slang – is been regularly used when the nomination of various aspects of the precedent world “Childhood” takes place. The principles of forming the conceptual metaphorical models in the Russian slang have been discovered. One can see the increasing productiveness of the conceptual metaphors in diachronic approach. The number of members of metaphorical field «Childhood» increases significantly as well as the system of the relationship between them becomes more tightly knit. This category combines both objective and subjective qualities.

Прецедентные миры, т.е. комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены [Караулов 1986: 105; Красных 1998: 50; Слышкин 2000; Слышкин 2004], активно исследуются в рамках аксиологической лингвистики – междисциплинарного направления, ориентированного на комплексное изучение ценностей социума, воплощенных в языковой системе, языковом сознании и тексте. Метафора, которая, по мнению большинства современных лингвистов, изначально ориентирована на создание эвристических, концептуальных моделей [Арутюнова 1999; Балашова 1998; Гак 1988; Лакофф, Джонсон 2004; Телия 1988], является чрезвычайно значимой в этом отношении. Именно поэтому она играет большую роль в создании языковой картины мира, в частности, носителя сленга¹.

Крылатая фраза: «Все мы родом из детства» – оказывается удивительно точной,

если рассмотреть метафорические производные современного общего, молодежного, арготического, компьютерного и военного сленга. Как показал наш материал (а это около 400 метафорических единиц, выявленных в результате анализа словарей просторечия и жаргонов, собственных записей устной речи и интернет-коммуникации), прецедентный мир «Детство» (в рамках метафорической подсистемы) представляет собой сложную лингвоконцептологическую структуру, базовыми компонентами которой являются следующие группы.

Во-первых, это номинации ребенка – по возрасту, роду занятий, социальным и характерологическим особенностям, а также имена собственные с деминутивными суффиксами, используемыми при обращении к ребенку (ср.: *малыш, малышка, малютка, малолетка, бэби, мальчик, пацан, девочка, девчонка, ребята, подкидыш, пастушок, вова, вовчик, дёмка, дима, маруся, муся, нюся, стасик*).

Во-вторых, в сленге фиксируются лексемы, имитирующие детскую речь, а также специальное «детское» общение взрослого с ребенком, например, специальные слова, деминутивы (ср.: *агу-агу, ав-ав, бяка, гав-гав, дай-дай, аси-баси, кис-кис, ку-ку, топ-топ, ту-ту, жу-жу, попа, киса, зайка, ляля, вава, кака, дядя Володя*). К данной группе примыкают номинации членов семьи с характерными уменьшительно-ласкательными суффиксами (ср.: *мама, маманя, мамочка, папа, папаня, папаша, папик, тятя, тятенька, дедушка, бабушка, бабуля, сынок, дочка*).

В-третьих, достаточно разнообразно представлены именованья детских артефактов – одежды, мебели, средств передвижения (ср.: *соска, люлька, горшок с ручкой, распашонка, ползунки, соплевчик, слюнявчик, памперсы, баретки, чепчик, панамка, бантики, коляска, салазки, самокат*). К данной группе примыкают номинации традиционного детского питания (ср.: *кашка, манная каша, коржик*), а также сладостей, любимых детьми (ср.: *мармеладка, шоколадка, пастилка, баунти, киндер-сюрприз, чупа-чупс, твикс, чипсы, сникерсы, сладкая парочка, фанта, леденец, раковая шейка*). Как примета детской речи и в данном случае частотны деминутивы.

¹ Не вступая в дискуссию о противопоставлении различных типов внелитературных стратов, в дальнейшем мы будем именовать их сленгом). Как подчеркивает Раиса Иосифовна Розина, «примерно половина лексем сленга возникает в результате семантической деривации» [Розина 2005: 29], причем «сленговые значения по большей части метафоричны» [Там же 2005: 14]).

В-четвертых, для формирования метафорических производных в сленге активно используются лексика из мира детских развлечений – номинации игрушек, игр и т.п. (ср.: *игрушка, погремушка, бирюльки, ванька-встанька, барби, матрешка, томагочи, кубики, прыгалка, хлопушка, жмурки, ладушки, угадайка, казаки-разбойники, дочери-матери, прятки, играть в Чапаева, карусель, американские горки, Дисней-Лэнд, хоровод*).

В-пятых, регулярно вовлекаются в процесс сленговой метафоризации именования дошкольных и школьных реалий (с преобладанием последних) – процесса обучения, школьных предметов и артефактов, типов заведений и т.п. (ср.: *детсад, надсад, ясли, школа, бурса, учитель, первоклассница, ученик, школяр, бурсак, двоечник, карандаши-ручки, промокашка, делать уроки, тихий час, букварь, дневник, черновичок, ботаника, химия, физкультура*). Показательно, что при указании на ребенка школьного возраста преобладают именования советских реалий (ср.: *пионер, пионерчик; октябрятская звездочка, тимуровец*).

В-шестых, самым продуктивным источником пополнения метафорической сленговой системе становятся прецедентные «детские» тексты (названия текстов, цитаты из них, клише, именования, авторов, героев и т.п.).

В частности, к данному классу лексических единиц относятся обобщенные наименования типичных жанров «детской» литературы, публицистики и кинематографа, а также их авторов (ср.: *сказка, сказочник, мультик, мультяшка, волшебные картинки, в гостях у сказки, спокойной ночи малыши, Степашика*).

Практически во всех рассмотренных сленговых подсистемах наиболее активно формируют метафорические производные номинации из фольклора, детских литературных сказок, мультфильмов, фильмов в стиле «фэнтези» и «экшн», рассчитанных, прежде всего, на детскую и подростковую аудиторию. В первую очередь это элементы русского фольклора, литературы и кинематографа, а также иностранных литературных произведений, по которым в России были сняты популярные фильмы и мультфильмы:

- русский фольклор (ср.: *Баба-Яга, Змей Горыныч, Морозко, волк и семеро коз-*

лят, теремок, снегурочка, Емеля, петрушка, Илья Муромец, три богатыря, Соловей Разбойник);

- русская литературная сказка XIX в. (ср.: *Балда, Руслан, золотая рыбка, мальчик-колокольчик, аленький цветочек*);

- русская литературная сказка и подростковая литература XX в. (ср.: *Буратино, лиса Алиса, папа Карло, поле Чудес в стране дураков, Бармалей, Федорино горе, Айболит, Бармалей, Кибальчиш, Буржуин, Старик Хоттабыч, железный дровосек, Тотоша, Тимур и его команда*);

- российские мультфильмы-сказки, детские и подростковые фильмы (ср.: *дракоша, Чебурашка, крокодил Гена, Дядя Федор, Ежик в тумане, паровозик из Ромашкова, кто сказал мяу?, лошарик, Миколка-паровоз*);

- иностранный фольклор, сказки и детская литература, отраженная в российских мультфильмах и кинофильмах (ср.: *Белоснежка, Красная шапочка, Спящая красавица, волшебник, фея, Али-Баба и сорок разбойников, Синяя борода, Щелкунчик, гадкий утенок, три поросенка, Ниф-ниф, Наф-наф, Карлсон, Маугли, Винни-Пух, тигра*);

- иностранные книги, мультфильмы и фильмы, рассчитанные на детскую и подростковую аудиторию (ср.: *Гарри Поттер, гоблин, тролль, Белый клык, Робинзон, Каспер, Шрек, Бэтмен, Рэмбо, Кинг-Конг, человек-паук, супермен, киборг, Терминатор*).

Достаточно регулярно в качестве прецедентного текста для формирования метафор становится школьная программа и школьные дисциплины. Наиболее активно используются изучаемые в рамках школьной программы по литературе произведения: названия, цитаты, авторы, герои, критики (ср.: *Мазай, Герасим, Муму, Рахметов, Фома Гордеев, буревестник, почтмейстер, дворянское гнездо, кавказский пленник, вишневый сад, каменный гость, герой нашего времени, Пушкин, Родионова, Белинский, граф Толстой, Достоевский, Чернышевский, сюда не зарастет народная тропа, белеет парус одинокий*), а также исторические личности, о которых сообщается в курсе по отечественной и мировой истории (ср.: *Батый, Буцефал, Иван Грозный, Ермак, Христофор Колумб, первопечатник Федоров,*

Мазепа, Салтычиха, Кутузов, Котовский, Павлик Морозов, Ленин в шалаши). Вместе с тем фиксируются (особенно в школьном, молодежном и, отчасти, в компьютерном сленге) номинации реалий из школьных программ точных и естественных наук (ср.: математика – *А в кубе, два в квадрате, квадрат в квадрате, биссектриса, перпендикуляр*; биология – *семядоля, ботаника, парнокопытный, хромосома, амеба*; география – *Христофор Колумб, глобус, Бермудский треугольник*; физика и химия – *молекула*; русский и иностранный языки – *запятая, словарное слово, артикль, без артикля не употребляется*).

Следует отметить, что в сленговой метафорической системе возможно использование, с одной стороны, измененных наименований и именовании, сформированных на базе реалий прецедентного мира «Детство» (ср.: *Сказка про белого бычка* → *про белую козу*; *Иванушка-дурачок* → *Иванушки дурачки*; *без окон, без дверей полна горница людей* → *без окон, без дверей полна горница солдат*; *Бармалей* → *турмалей*; *парнокопытный* → *бронекопытный*; *Буцефал* → *буцефалос*; *Достоевский* → *достоевщина*; *дракон* → *драконат*; *Бермудский треугольник* → *вермутский треугольник*), с другой, – словообразовательных дериватов на базе «детских» реалий (ср.: *Чебурашка* → *чебурашить, чебурашиться*; *ботаника* → *ботанеть, ботан, ботанка*; *букварь* → *букварить*; *Муму* → *замумукать*; *Емеля* → *емелить, заемелить*; *Тимур* → *тимурить*; *пионер* → *пионерить, шпионерить*).

Итак, можно констатировать, что прецедентный мир «Детство» представляет собой достаточно сложную и разнообразную структуру, причем положение отдельных составляющих в прецедентном мире «Детство» далеко не одинакова. Так, номинации ребенка, детской речи, артефактов, мира развлечений, сказок и мультфильмов составляют ядро данного фрейма. Номинации сведений, полученных в процессе обучения в школе, относятся к периферии, поскольку в принципе данные реалии (исторические факты, биологические, математические и другие специальные знания) могут стать известными не только в детстве. Косвенное отношение к миру «Детство» имеют и некоторые члены ядерных групп. Например, игра в Чапаева, в дочери-матери,

безусловно, детское развлечение, игра в жмурки в большей степени детское, чем взрослое, а катание на каруселях в принципе возможно и в зрелом возрасте. То же самое можно сказать о питании: манную кашу и сладости употребляют люди разного возраста. Однако мы включили такие периферийные компоненты в состав прецедентного мира «Детство», поскольку, с одной стороны, соответствующие игры и развлечения, каши и сладости играют заметную роль в жизни практически каждого ребенка, но далеко не каждого взрослого, а с другой, – соответствующие сведения по математике, биологии, истории, литературе и т.п. – в большей или меньшей обязательная часть картины мира школьника, тогда как взрослый человек, если он не математик, вряд ли возводит числа в квадраты и кубы, чертит гипотенузы, а если он не филолог, то вряд ли перечитывает критические статьи Белинского или «Муму» И.С. Тургенева, то есть данные сведения можно рассматривать как остаточные знания по основным предметам, изучаемым в школе.

Не одинакова значимость отдельных составляющих прецедентного мира «Детство» в формировании сленговой метафорической системы. Так, более 60 % метафорических единиц связано с прецедентными текстами, прежде всего – с литературными и кинематографическими жанрами детской литературы – русскими фольклорными, литературными и классическими западноевропейскими сказками, а также советскими мультфильмами. Современные детские жанры в основном представлены голливудскими мультфильмами, фильмами и их героями. Практически во всех тематических группах представлены как традиционные реалии, историзмы (ср.: *бирюльки, октябрятская звездочка, пионерия*), так неологизмы (ср.: *барби, пасперсы, тамагочи, Шрэкс*).

Как показал анализ, исследуемые метафорические номинации используются для обозначения самых разнообразных реалий современного мира. При этом можно выделить несколько тематических блоков – семантических сфер, активно именуемых с помощью единиц из прецедентного мира «Детство».

Так, регулярно данные единицы используются в компьютерном сленге для обозначения

комплектующих компьютера, программного обеспечения, игр, интернет-коммуникации и т.п. (ср.: *Карлсон* – ‘вентилятор-охладитель’; *Баба Яга* – ‘видеоадаптер EGA – Enhanced Graphic Adapter’; *бюроля* – ‘компьютерная игра’; *бяка* – ‘некачественный сектор диска’).

Не менее регулярно с помощью единиц прецедентного мира «Детство» именуется человек в социально-профессиональном, морально-этическом и поведенческом аспектах, причем такого рода номинации фиксируются практически во всех типах сленга – общем, молодежном, гомосексуальном, арготическом, военном (ср.: *мальчик-колокольчик* – ‘провокактор’; ‘любитель женщин’; ‘скромный молодой человек’; *Али-Баба и сорок разбойников* – ‘взвод солдат’; *букварь* – ‘солдат до принятия присяги’; *гоблин* – ‘охранник’; ‘сотрудник ОМОН’; ‘коммерсант’; ‘поклонник рок-музыки’; *самоделкин* – ‘изобретатель’; *сказочник* – ‘винчестер’; *барби*, *уличная фея* – ‘проститутка’; *делать уроки* – ‘бездельничать’; *щелкунчик* – ‘танцор’).

Третьей регулярной семантической сферой, пополняемой за счет единиц прецедентного мира «Детство», является мир физиологии человека, причем в данном случае преобладают номинации мужского полового члена (ср.: *чебурашка*, *бармалей*, *буратино*, *ванька-встанька*, *каменный гость*, *самоделкин*, *гадкий утенок*, *старик Хоттабыч*), секса (ср.: *чебурашить*, *агу-агу*, *дракон*, *хоровод*), испражнений (ср.: *выпускать дракона*, *снегурочку пугать* – ‘о рвоте’; *вишневый сад* – ‘общественный туалет’). Внутри данной сферы очень продуктивна семантическая сфера, связанная с употреблением спиртных напитков, алкоголизмом, а также вечеринок, где распивается спиртное (ср.: *белинский* – ‘бутылка водки’; *синяя борода*, *красная шапочка* – ‘алкоголик’; *буревестник* – ‘вечеринка’; *змей-горыныч* – ‘перегар’).

Наконец, регулярно за счет исследуемых единиц групп пополняется тематическая группа «Артефакты» (ср.: *чепчики близнецов* – ‘бюстгальтер’; *чепчик* – ‘презерватив’; *самокат* – ‘мотоцикл’; *сопливчик* – ‘бронежилет’; *хлопушка* – ‘взрывпакет’).

При выборе той или иной единицы обычно используются общезыковые модели метафоризации, например, номинация физического

объекта на основе сходства пространственных характеристик – формы, размера, положения в пространстве (ср.: *распашонка* – ‘малогабаритная трехкомнатная квартира с двумя расположенными друг против друга маленькими спальнями, двери которых выходят в общую проходную комнату’; *железный дровосек* – ‘памятник Юрию Гагарину в Саратове’ (шагающая непропорциональная фигура с большой, почти квадратной головой и как бы негнуущимися ногами); *рогатка* – ‘троллейбус’).

Очень распространен в сленге функциональный перенос, например: *Айболит* – ‘антивирусная программа Aidstest’ (и сказочный герой, и компьютерная программа восстанавливают нормальное функционирование объекта); *букварь* ‘книжка-руководство по пользованию компьютером и его программным обеспечением’ (обе книги содержат элементарные сведения в соответствующей области знаний); *живая вода* – ‘бутылка водки’ (на человека в состоянии похмелья и на алкоголика спиртное оказывает восстанавливающее действие, аналогичное тому, какое на сказочного героя – волшебное средство).

Активно используют носители сленга такой тип общезыковой метафоризации, как перенос на базе сходства аксиологических характеристик. В этом случае получает яркое отражение сленговая система ценностей. Например, при именовании отделения милиции с помощью названия русской народной сказки *волк и семеро солдат* – сотрудники милиции ассоциируются с хищниками, тогда как задержанные – с беспомощными жертвами; при именовании телевизионной программы «Служу России» именем детской программы *в гостях у сказки* – носители сленга военнослужащих подчеркивают, что рассказ о буднях российской армии напоминает сказку и не соответствует действительности. Отношение к администрации вуза четко прослеживается в номинации деканата лексемой *драконат*. Показательно также, что школьные реалии, детская и подростковая (воспитательная, не сказочная) литература, кинематография устойчиво ассоциируется с асоциальными действиями и поведением (ср.: *спионерить* – ‘украсть’; *тимуровец* – ‘человек, склонный к неадекватному, часто глупому поведению’;

октябратская звездочка – ‘сомнительная молодежная компания’).

Среди специфических особенностей сленговой метафоры можно выделить способы, в основном связанные с языковой игрой.

Во-первых, значительно чаще, чем в литературном языке, используется так называемая внешняя, или звуковая, метафора (см., например: [Москвин 2006: 130]), где термин «метафора» отнесен к плану выражения слова. При этом достаточно часто игра слов связана с омонимией литературного и сленгового значения, новой морфемной дифференциацией (ср.: *Емеля* ‘Е-мэйл’; *белинский* ‘бутылка водки’; *достоевский* ‘надоедливый человек’ (от просторечного *доставать* ‘надоедать’; *Федорино горе* ‘свободная ветка дистрибутива GNN / Line Red Hat’ (от англ. *Fedora Core*); *мама* ‘материнская плата’; *графф Толстой* ‘о художнике в стиле граффити’). Появление на основе созвучия новой внутренней формы создает новую систему ассоциаций, которая и становится основой для языковой игры.

Во-вторых, очень продуктивно языковая игра связана с обыгрыванием ассоциаций, построенных на принципе антонимии и несовместимости (ср.: *сюда не зарастет народная тропа* – о высокой поэзии в стихах А.С. Пушкина и об армейском буфете; *каменный гость* – о трагическом герое А.С. Пушкина и о мужском половом члене; *сопливчик* – о младенческом атрибуте и спецодежде (бронежилете) сурового спецназовца).

В третьих, языковая игра может быть основана на мотивации, связанной не с ядерными компонентами первичного (литературного) значения лексемы и фразеологизма, а с второстепенными, причем делается это намеренно, что и создает шуточный характер вторичной, сленговой номинации, например: *крокодил Гена* ‘сотрудник милиции’ (ассоциация не со сказочным героем, а только с хищным и опасным животным *крокодил*); *железный дровосек* ‘точно, наверняка’ (ассоциация не со сказочным героем, а со сленговым значением однокоренного с прилагательным наречия – *железно*); *выкатить салазки* ‘вытаращить глаза’ (ассоциация никак не связана с любимым детьми развлечением – катанием с горок, а только с глаголом, входящим в состав разговорного фразеологизма *выкатить глаза*).

В целом можно констатировать, что прецедентный мир «Детство», с одной стороны, устойчиво сохраняет свою значимость в жизни современных носителей самых разнообразных внелитературных стратов, а с другой, – позволяет отразить их своеобразную картину мира, яркую и шуточно-озорную даже при изображении грубоватых, физиологических и негативных сторон жизни.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Балашова, Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI – XX веков) [Текст] / Л.В. Балашова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 216 с.
3. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11-26.
4. Грачев, М.А. Словарь современного молодежного жаргона [Текст] / М.А. Грачев. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
5. Ермакова, О.П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона [Текст] / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. – М. : Азбуковник, 1999. – 840 с.
6. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М. : Русский язык, 1986. – С. 105 – 126.
7. Коровушкин, В.П. Словарь русского военного жаргона [Текст] / В.П. Коровушкин. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 520 с.
8. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М. : Диалог – МГУ, 1998. – 350 с.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Левикова, С.И. Большой словарь молодежного сленга [Текст] / С.И. Левикова. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 928 с.
11. Мокиенко, В.М. Большой словарь русского жаргона [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.

12. Москвин, В.П. Стилистика русского языка: Теоретический курс [Текст] / В.П. Москвин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 630 с.
13. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь [Текст] / Т.Г. Никитина. – М. : Астрель, 2007. – 910 с.
14. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь [Текст] / Т.Г. Никитина. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – 912 с.
15. Розина, Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол [Текст] / Р.И. Розина. – М. : Азбуковник, 2005. – 302 с.
16. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
17. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
18. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173-204.
19. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения [Текст]. – М. : Астрель, 2001. – 944 с.
20. Химик, В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи [Текст] / В.В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 768 с.

В.П. Даниленко

ИНКОРПОРАЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

The incorporation of word-groups and sentences in the act of sentence-forming is influenced by two factors – accentuational and morphological. Their coherent action lead to the abbreviation of syntactic constructions or to incorporate word-groups (the partial incorporation) or to incorporate sentences (the full incorporation). In this article one emphasizes the morphological factor of incorporation.

Что значит «рассматривать предложение как отдельное слово»? А что позволяет нам

делить предложение в неинкорпорирующих языках на отдельные слова? Во-первых, паузы, а во-вторых, ударения: как правило, они отделяются друг от друга определёнными паузами и имеют соответственные ударения. В инкорпорирующих языках ударение (акцентуация) оказывается принадлежностью не отдельных слов, а словосочетаний (при частичном инкорпорировании) или целых предложений (при полном инкорпорировании). Единую акцентуацию, объединяющую несколько слов в предложении или целое предложение, таким образом, следует рассматривать как первый признак (фактор) инкорпорации.

Сравнение инкорпоративного словосочетания или предложения со словом указывает нам и на второй признак инкорпорации – корнесловность частей, их которых состоит инкорпоративный комплекс. Но в этом случае сравнение, о котором идёт речь, надо уточнить: речь идёт о сравнении этого комплекса не с простым словом, а со сложным, состоящим из нескольких корнесловов.

Вильгельм фон Гумбольдт помещал инкорпорирующие языки, как и агглютинативные, между флективными и изолирующими. Он писал: «Если взять в сочетании оба эти способа (флективный и изолирующий – В.Д.), какими единство предложения фиксируется в понимании, то окажется, что есть ещё и другой, противоположный им обоим способ, который здесь удобнее было бы считать третьим. Он заключается в том, чтобы рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» [Гумбольдт, 1984: 141].

А какова роль морфологизации в инкорпорации словосочетаний и предложений? Под морфологизацией мы понимаем процесс перевода слова из его лексической (начальной) формы в морфологическую. В качестве основного средства морфологизации во флективных языках используются аффиксы, среди которых ведущая роль принадлежит флексии (*стол* → *стол-а*, *стол-у* и т.д.). Процесс, обратный морфологизации, называется деморфологизацией.

Можем ли мы рассматривать морфологизацию в инкорпорирующих языках как третий признак (и второй фактор) инкорпорации? Положительный ответ на этот вопрос может быть в общем виде сформулирован следующим образом: если в неинкорпорирующих языках аффиксальная морфологизация способствует делению предложений на слова (например, флексия свидетельствует о его конце), то в инкорпорирующих языках она способствует либо отграничению инкорпоративных словосочетаний от других членов предложения, либо отграничению инкорпоративных предложений от других предложений. Кроме того, как и в неинкорпорирующих языках, в инкорпорирующих языках она осуществляет формообразование. Разница здесь состоит только в том, что в первых с её помощью образуются морфологические формы слов, а во вторых – морфологические формы либо словосочетаний, либо предложений.

Выходит, в неинкорпорирующих языках акцентным единством и аффиксальной морфологизацией обладает, как правило, слово, а в инкорпорирующих – словосочетание или предложение. Эти языки будто по ошибке оторвали акцентное единство и аффиксальную морфологизацию от слова и перенесли их на синтаксические конструкции, тем самым создав инкорпоративные комплексы.

Если в неинкорпорирующих языках синтетическая тенденция доведена лишь до сложных слов (напр., *завкафедрой*), то в инкорпорирующих она оказалась намного более сильной. При частичном инкорпорировании она превращает в акцентные единства сочетания слов, а при полном инкорпорировании – целые предложения. Пример частичного инкорпорирования из чукотского языка: *Танкляволя (Хороший мужчина) кораны (оленья) пэлянэй (оставил)*. В инкорпоративную группу здесь слилось лишь словосочетание «*тан (хороший) + кляволя (мужчина)*». При этом окончание «-я» в «*клявол-я*» относится к этому словосочетанию в целом. Оно способствует слиянию прилагательного и существительного в одну акцентную единицу. С его помощью морфологизируется не отдельное слово, а целое словосочетание. Пример полного инкорпорирования из этого же языка: *Тымынгынторкын (Я руки вынимать буду)*. В инкорпоративный

комплекс здесь слилось целое предложение. Вот тут-то и возникает необходимость, как говорил В.Гумбольдт, рассматривать предложение как слово.

Если инкорпоративный комплекс напоминает сложное слово, то, может быть, следует рассматривать инкорпорирование как явление словообразовательное? По поводу различных точек зрения на сущность инкорпорации Иван Иванович Мещанинов писал: «Вопрос о сущности инкорпорации и её роли в языке до настоящего времени является дискуссионным. Одни исследователи рассматривают инкорпорацию как словообразование типа словосложения, другие – как один из способов выражения синтаксических отношений, третьи считают невозможным отнести инкорпорацию ни к словообразованию, ни к синтаксическому приёму, а определяют её как присущее определённым языкам своеобразное морфологосинтаксическое явление» [Мещанинов, 1978: 29]. Подобные точки зрения на строевую природу инкорпорации высказывали и другие типологи. Так, П.Я.Скорик писал: «У исследователей нет единства мнений об этом явлении. Одни из них понимают инкорпорацию как приём словообразования, другие – как приём словосочетания, третьи считают, что она не сводима ни к первому, ни ко второму, представляет собой присущий определённым языкам специфический приём, посредством которого в морфологической конструкции выражаются значения, соответствующие (но не тождественные) синтаксическим» [Виноградов, 1968: 246].

Я рассматриваю инкорпорацию как явление фразообразовательное. Инкорпорация в этом случае вписывается в процесс построения нового предложения (фразообразования). В качестве исходной модели при этом принимается трёхчастное представление о данном процессе. Это представление, на мой взгляд, является универсальным, т.е. применимым к фразообразовательной деятельности говорящего на любом языке. Исходя из него, мы можем поделить фразообразовательный акт на три периода – лексический, морфологический и синтаксический. В первый из них мы имеем дело с лексическим состоянием создаваемого предложения, во второй – с его морфологическим состоянием и в третий – с его синтак-